

№ 2`

Июнь 1998 г.

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРЕДКОВ

(СТИХИ)

К 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

*Я помню чудное мгновение:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Павлу Корюгину — 50!

*Я помню всегда:
У Бога нет на Земле
Рук, кроме моих.*

Павел Корюгин

Он оптимистичный, энергичный и отзывчивый человек. Творчество пока еще не осмыслено литературоведением и социологией — что ж, значит, такое осмысление впереди.

Религиозно-философская тематика — его мать. Религия поклонения Единому — его отец. Близость к восточному направлению мышления — его бабушка и дедушка.

Он созвучен ритмам сегодняшнего дня. Отрадно, что он не занимается самолюбованием, и пишет все лучшие и лучшие стихи. Его работа с молодыми поэтами на посту председателя Ухтинского литературного объединения составляет смысл жизни.

Журнал “Ухта литературная” спешит поздравить поэта с юбилеем, искренне желает ему не сдавать позиций и продолжать радовать всех нас новыми стихами!

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков тел. 1-74-91
Игорь Терновский 6-12-46

Отпечатано на производственной базе
ОАО “СЕВЕРГЕОФИЗИКА”
Ген.директор Ростовщиков В.Б.

Редактор второго номера журнала
 “Ухта литературная”
Алексей МИЛЬКОВ

ТОЛЬКО СЛОВО БЬЕТСЯ В ПЛАЧЕ

Как-то я спросил Журавлева Александра Константиновича: “Почему такой яркий поэт, как Игорь Николаевич Терновский, не принят в Союз писателей?”, он ответил: “Такова жизнь”. Можно было бы еще усилить сказанное крылатой фразой: “спортивная или литературная”. На это сам Игорь Николаевич ответил бы так: “Служенье муз не терпит суеты”, что он и доказал своим творчеством. Но это прямой укор Союзу писателей Республики Коми, не способному заметить такую большую поэтическую фигуру. Хотя казусы в нашей литературе были похлеще. В свое время даже творчество В. Высоцкого ареопаг писателей приговорил с вердиктом: “как ничего не имеющей общего с поэзией”.

От лица редактора сразу признаюсь, что представленная в журнале подборка только часть наследия Игоря Терновского. При первом знакомстве с рукописью я обратил внимание, что начало строк у него пишется как в прозе. Заглавная буква идет после точки. На мои возражения, что поэзия возвышенна не только содержанием, но и формой, и вы этим принижаете ее, поэт ответил, что так должно быть и ему так нравится. Ну что ж, хозяин-барин, и в этом весь Игорь Терновский. Сразу окунаюсь в стихи и ищу ответ на интересующий вопрос. “Кто вы на самом деле, имярек?” На это обычно мало кто дает вразумительный ответ. Только не Игорь Николаевич. Он чистосердечно признается:

**Я старый сказочник и лгун,
 Я весь как клен осенний.**

Или:

**Понял я: не в этом зло,
 что во лбу немного пядей.
 Знаю я, мне повезло:
 я смиренно зауряден.**

Далее для своей биографии он с иронией отмечает:

**Когда-то писал я в анкетах,
 что русский и член чего надо,
 что родичей нет за границей,**

что предков сомнительных нету...

А дальше была производственная жизнь, и сознательная биография продолжалась так:

**На горлах ревущих фонтанов
 закручивал я вентиля.**

или:

**Из седла не вылезал,
 если надо было, сутки,
 И в науке я дерзал
 и дерзал я вне науки.**

Степенно живут русские мужики, вальяжно. Поэт продолжил некрасовскую традицию и описывает их неприязательный уклад жизни уже в советское время:

**Когда пьют мужики не спеша,
 с разговорами, но без скандала.
 И оторванная душа
 к их общинной душе припадала.
 Что там завтра: косьба ли, война —
 лишь послал бы Господь похмелиться...
 Вдруг подумаешь: вся их вина,
 что крестьянами вышло родиться.**

И. Терновский держит руку на пульсе времени. Появилось в нас новое — мы стали иждивенцами, и поэт чутко это заметил:

**За нас титры говорили,
 что придумал сценарист.**

Но поэт среагировал и на другое, не менее важное, что нравы со временем меняются, что:

**Смотрят все одинаково
 лишь на лесоповал...**

Какому поэту не хочется писать стихи в тиши, в удобстве, когда:

служенье муз идет без суеты,

а больше ничего тебе не надо,

потому что пушкинские

**... существуют речка, няня, кружка,
... соседок милых ласковые взгляды,
... и саламандра пляшет на поленьях.**

Но поэт рвется в бой за чистоту общества, потому что видит неладное:

**Что-то властвует над нами:
подсознание — царь царей,
чье-то имя, чье-то знамя
или попросту хорей.**

С тоской, более того пессимизмом он отмечает:

**Человечество, ты греховно,
опоганившее свой дом,
и когда-нибудь перед Верховным,
ты, наверно, предстанешь судом.**

Хотя он знает, что в любой инициативе:

**Совсем не явен
синдром успеха,
а
...скончатся
придется от пошлого тромба.**

Но это последние пессимизмы в его творчестве. Поэта переполняет романтика. Он упивается историческими коллизиями. Своим героям он пишет исторические портреты. Бальзак, Януш Корчак, Экзюпери — мы еще не знаем всю галерею его исторических лиц.

И вот рождается стихотворение “Петр”.

**Немилосердна ночь,
страшна усталость.
Быть преданным невмочь,
предать остальсь.
.....
Вот-вот вскричит петух,
пора отречься.**

Апостол Петр стоит на перепутье, но второго ему не дано в отличие от Иуды Искариота. Как Петр описан в Евангелии? Несомненно, положительный герой. И какие же у него достоинства? Неграмотен, бестолков, неуверен в себе, трусоват. Но он окажется тот самый краеугольный камень, на котором будет воздвигнута вера. А чтобы все стало ясно до конца, надо заодно припомнить качества Иуды Искариота, опять-таки по Евангелию. Супермен, умен, расчетлив, храбр (бросил сребреники чуть ли не в морду первосвященнику), вдобавок совестлив (раскаялся и от отчаяния покончил с собой). Сплошь из достоинств. Но это как пластмассовая красота.

Перечитывая стихи, я долго думал, какое стихотворение лучше всего символизирует, отражает что-нибудь такое всеобъемлющее, как емко сказано у И. Терновского: “И мир предстанет пред тобой как на рентгене”. И

нашел. Настоящее движение жизни, движение души, движение полутонов, спокойное, как тихое дуновение ветерка. Это стихотворение “**В пресветлый мартовский денек**”.

**В пресветлый мартовский денек
из дома выйди,
когда он глянет, синее,
в твою обитель.
Оставь ярмо дневных долгов,
жилища хмурость,
и атомный огонь снегов
стерпи, зажмурясь.
Вдохни поглубже и услышь
сквозь птичьи клики,
далекое шуршанье лыж
и капель всхлипы.**

И т. д. Такие строчки можно и хочется читать до бесконечности. И тут начинаешь глубоко понимать, что И. Терновский владеет словом, как хороший художник кистью.

“Только слово бьется в плаче”.

Вот апофеоз и лейтмотив его мастерства.

О языке И. Терновского можно говорить вкусами гурмана. Поэт находит удивительные образные средства, используя весь арсенал богатства русского языка, здесь и приемы гиперболы, и реализация метафоры. Он не боится новаторства, когда другие как черта страшатся новых сочетаний:

**... не нужно новизной
раздражать наукознатцев,
и не нужно в шар земной
лбом высоким упираться...**

На грани фола работают, творят только гении (не только литературные), но кого какая ждет судьба и как их оценят в будущем, когда баловней судьбы, можно сказать, не бывает? Это остается за семью печатями, но исход для гения, в принципе, понятен, если убрать в стихотворении все частицы “не”:

**Не разыщет славы перст
растворенного в народе,
кто для бронзы и на крест
одинаково не годен.
Не возвысят времена
тихо жившего и пресно,
и не будет течь слюна
по мощам его безвестным.
И не будет ничего:
анекдотов, лжи, плакатов.
Душу скромную его
не растащат на цитаты.
Не мудрец и не святой
сгинет он, в забвенье сверзьясь.
Его именем никто
не прикроет чушь и мерзость.**

Или того ужаснее ждущий конец:

**...то голову бесславно сложишь,
и ноги вытрут о тебя.**

Нет эксперимента — не будет специалиста, и, как следствие, шедевра. Пример строчек для подражания развивающимся поэтам:

“... блажен муж, иже выпьет после бани”, “на всех эстрадах улиц”, “Я убежал из городов морочных” или **“Пойми ж прекрасное уродство”**. Это оксюморон, сочетание взаимоисключающих слов.

Какими гранями играет то или иное слово? И. Терновский дает полный тематический разбор слову “береженный” в стихотворении **“Береженного Бог бережет”** или слову “непутевый” (**“Непутевому с рождения беда”**). Смысловый обыгрыш слова — не часто встречающийся литературный прием.

Большинство стихотворений Игоря Терновского не просто выше отличного написания, на многих, как: **“Я убежал из городов морочных”, “Ярославское шоссе”, “Осень”** стоит печать мастера. Это произведения очень большой глубины и философской насыщенности. Я перебрал для сравнения все “осени” золотого века. **“Осень”** Терновского своей фактурой может поспорить с Пушкинской, лучшей из лучших:

Октябрь уж наступил — уж роща
отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;

Или:

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

А вот **“Осень”** Терновского:

**Лист ветхий, лист опавший,
усталый желтый лист.
Трубит журавль отставший
над полем как горнист.
Лесов парад последний,
последний шорох крон.
Повсюду разноцветье
мундиров и знамен,
повсюду в сизой стыни
начавшегося дня
отсвечивает иней
тяжелый как броня.
Все празднично и гордо,
как будто нипочем
лихая старость года
под стынущим лучом.**

И т. д.

В отношении стихотворения **“Я убежал из городов морочных”** вспоминается группа “Наутилус Помпилиус” с лучшей своей песней **“Я хочу быть с тобой”**. А теперь неплохо бы сравнить строчки. Обратите внимание на параллель!

У Терновского:

**Я убегал из городов морочных,
и с поезда, замедлившего ход,
я спрыгивал, как с самолета летчик,
закончивший отчаянный полет.
Я убегал, и падала во мне
шаловная скорость, затихало жженье.
Я ощущал в наставшей тишине
земли неторопливое движение.
Я замедлялся в широте полей,
в лесах степенных, медленно растущих,
в глазах моих все четче и ясней
мир проявлялся изначально сущий.**

Теперь у “Наутилус Помпилиус”:

Я пытался уйти от любви,
Я брал острую бритву и правил себя.
Я укрылся в подвале. Я резал
Кожаные ремни, стянувшие слабую
грудь.
Я ломал стекло, как шоколад в руке.
Я резал эти пальцы за то, что они
Не могут прикоснуться к тебе.
Я смотрел в эти лица и не мог им
простить
Того, что у них нет тебя и они могут
жить.

Если сравнить год написания этих вещей, получается, что идею песни украли у поэта. Как говорится, комментарии излишни. С чем можно поздравить Игоря Терновского.

У поэта много циклов. Наследие его громадно, не все еще дошедшее до читателя по простой причине: поэт не попал в обойму того заскорузлого общества. И. Терновский универсален: натуралист, эссеист, энциклопедист. Что к этому ряду еще можно прибавить? И нужно ли? Все говорит за себя. Его творчество не только энциклопедия жизни, в то же время хрестоматия жизни, потому что он умеет вместить в несколько строчек столько, сколько иным нужно много томов. Только поэт, войдя в сознательную жизнь, окунается в активный вихрь. Всех несет, а он несет. Он видит развилки жизни. Настоящего поэта определяет гражданственность — умение отзываться на происходящее в мире и жизненная позиция, более того принципиальная позиция. “Голосует сердце — я писать обязан по мандату долга” (В. Маяковский). Всего этого у Терновского достаточно, что он может вынести на суд читателей свой **“Я памятник себе воздвиг нерукотворный”**. Думается, следующие слова из стихотворения **“Тайная вечеря”** вполне подходят для этого:

**Будут мне аплодировать
и молиться тысячи лет.
Будут имя мое скандировать
и заучивать каждый куплет.
Заверяю: грядущее благостно,
обретут утешенье рабы.
И не надо стенать и плакаться:
смерть на сцене — подарок судьбы.**

От пессимизмов поэт рвется к оптимизмам:

**Жизнь пойдет на лад еще,
будет все прелестно,
и на лучшем кладбище
вам уступят место.**

В данном случае, этот оптимизм окрашен иронией. Ирония больше бывает горькая, а тут светлая, хоть написана о мрачном. Об иронии Игоря Терновского надо говорить отдельно, потому что она непреходящий атрибут многих его стихотворений. Например, актуальный вопрос Солженицына “Как обустроить Россию?” И. Терновский решает просто. И снова встреча с иронией:

**Надо бы по деревяшке постучать,
да некрашеного дерева-то нет.**

А жизнь сложная, не поле перейти, и в поэте живет реформатор:

**Навести б переправу,
да вот кто разберет:
где тут лево, где право,
где тут зад, где перед.**

А всего лишь для того, что всяк несет свой крест и надо ему помочь. Несет-то каждый, но все по-разному. И у каждого пути Господни не исповедимы.

**Суший крест — он в напрасном,
но иду до конца не кляня.
И в саду Гефсиманском
мой убийца целует меня.**

Новое откровение! И здесь не перепутаешь, это вовсе не ирония, это смысл жизни! Как говорится, лучше не придумать красочней смерти, предел мечтаний настоящего гурмана и многие отдали бы жизнь за такой конец. Но, к сожалению, убийцы больше думают о меркантильности и забывают о благодетельстве, если и возвращаются к месту преступления — но только не за этим.

Труд и еще раз труд через ухабы — вот лозунг поэта. Это, как нельзя лучше, определяют его следующие слова:

**Зауряден, как ромашка,
рос под нами эдельвейс.**

В этих двух строчках очередная энциклопедия жизни. Непременное условие: чтобы отозваться об эдельвейсе, как о цветке заурядном, надо стать альпинистом, пройти опасные кручи и не раз рисковать своей жизнью. Такую удачно поймать, схватить коллизию в руки могут только большие мастера слова.

Вот, например, как передает Игорь Терновский пафос, вырвавшийся из самого сердца, от которого пробивает внутренняя дрожь:

За тебя, Павел Коган

**поднимаю стакан.
За высокую ярость
честно прожитых дней.
За не сдавшийся парус
бригантины твоей.**

Кто из поэтов еще может похвастаться подобными строчками, вызывающими содрогание?

Гении отличаются от заурядных людей мерой цитируемости. Игоря Терновского хочется цитировать и цитировать: и строчки, превращенные в афоризмы, и целые стихотворения.

Иной талант подобен катастрофе.

У Козьмы Пруткова то же самое звучит, как “Специалист подобен флюсу”.

Или:

**Суший крест — он в напрасном,
или:**

**Лейтенанты не стареют:
молодыми умирают.**

Попытка проникновения в характер, в поведение исторических личностей очень хорошо реализовалась у поэта, как было сказано выше. Но вот новая попытка и сразу желание проникнуть уже в тайны славы:

**Ты куда, Бонапарт?
Может, ты психопат,
изуродован геным увечьем?**

Но лекарства от бремени славы не существует, когда человек, как психоман, твердит одно:

**Я предчувствую славу.
Навести переправу
через, как его там, Рубикон!**

Интересно, что многим трагическим личностям можно предпослать стихотворение “Непутевому с рождения беда”.

Творческая мастерская любого поэта начинается с банально простого:

**От мировых светил в сторонке
поэт рождается во мраке.
Пока марает он пеленки
и не марает он бумаги.**

И только для единиц жизнь заканчивается, как сказано в завершающих строчках:

**... не прекращается искусство,
и начинается бессмертье.**

Свое творческое кредо Игорь Терновский выражает строчками:

**Писать вот так: блистательно,
божественно,
чтоб обожая и кляня,
собратья, кредиторы, женщины,**

преследовали бы меня.

Хотя жизнь ставит свои препоны и превращается в: э вуалья ля комеди дюмен¹, он делает вывод на примере Балзака, выпившего не одну тысячу чашек кофе:

**Так чем же ты жива, литература?
Сто тысяч чашек крови — вот цена.**

Как сторонника интеллектуальной литературы меня влечет в Игоре Николаевиче его внутренняя интеллигентность и элегантность в создании произведений. В стихотворении “Они были братья лихие” разговор идет вроде бы только о двух цветах: зеленом и синем. Если бы... Если бы не знать, что незримой мыслью завуалировано проходят совсем другие два цвета: белый и красный — смертельный водораздел в Гражданской войне и в нашей непростой дальнейшей советской истории:

**Оставил нелепый художник
взамен многоцветности всей
две краски в палитре своей.**

Не обошел поэт и тему: “Я помню чудное мгновение...”. Вот его обращение к женщине:

**Вы красивы, вы красивы
я не знаю отчего,
как все женщины России,
или более того.**

Более того пристальное:

**Деревьев медленный стриптиз
на всех эстрадах улиц,
а я иду за вами, близ,
молю, чтоб обернулись.**

Отсюда можно заключить, что поэта, не замечающего стриптиз дерев, больше волнует другой. Потому что:

**В запахах дремучей чаще
различу неоспоримо
Ваш тончайший и горчащий,
Ваш автопортрет незримый.
Мне веселье — не веселье,
словно я совсем пропащий.
Мне тревожно и осенне,
как среди листвы опавшей.**

А также:

**Но хороши анфас и сбоку,
но обольстительны как черт,
но незнакомостью по Блоку
меня отчаянно влечет.**

Здесь я, как редактор, после каждой строчки ставил бы восклицательный знак, лучше по два, но Игорь Терновский запретил, поэт он скромный и не любит эпатажа.

Женщина занимает в жизни поэта довлеющее место, если не основное. Но в подборке всего семь-восемь стихотворений о любви, когда хотелось бы двадцать! Но даже по ним сам предмет обожания на предмет взаимности вырисовывается зримо. Остается открыть его NN. Работа для будущих биографов, и тайна его собственной Анны Керн или Н. Ф. И. будет раскрыта.

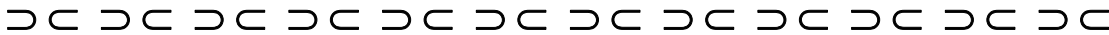
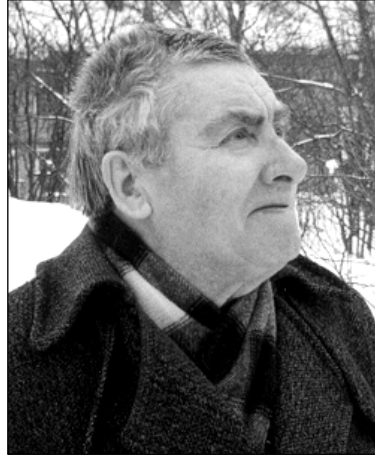
Горький писал еще в 1913 г.: “...Русь нуждается в большом поэте. Талантливых — не мало, вот даже Игорь Северянин даровит! А нужен поэт большой, и демократ и романтик, ибо мы, Русь, страна демократическая и молодая”.

Тоска по большим поэтам была и будет, и пусть творчество Игоря Терновского снизит ее на значительную величину.

¹ и вот человеческая комедия (франц.)

Игорь ТЕРНОВСКИЙ**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ПРЕДКОВ**

(стихи)

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

В пресветлый мартовский денек
из дома выйди,
когда он глянет, синеок,
в твою обитель.
Оставь ярмо дневных долгов,
жилища хмурость,
и атомный огонь снегов
стерпи, зажмурясь.
Вдохни поглубже и услышь
сквозь птичьи клики,
далекое шуршанье лыж
и капель всхлипы.
Увидь от лампы голубой
густые тени.
И мир предстанет пред тобой

как на рентгене.
На белом полотне снегов
под светом высей
предстанет копоть очагов
и копоть мыслей.
Дорога явится темна
небеспричинно.
Увидишь, что зима больна
неизлечимо.

* * *

Как обреченно майский снег идет,
как будто бы на пулемет пехота.
Его с командных сумрачных высот
настойчиво бросает в лужи кто-то.
И снег идет, идет за часом час:
приказ ему — прервать весну на сутки.
Но гибнет он,
и в солнечных лучах
вниз головой
бросаются сосульки.

* * *

Снег ударился оземь,
все покрыв белизной,
словно поздняя осень,
а не поздней весной.
Роялистское знамя
вновь воздвиглось из тьмы.
Есть возврат временами

к тирании зимы.
Не взирая на это
неизменно житье:
реставрации нету
и не будет ее.
Это просто погоды
неожиданный бред.
А обратного хода,
как в истории, нет.

* * *

Памяти В. Журавлева-Печорского

Голубаны, голубаны²
торопливой чередой
пролетали над лугами,
над Печорой голубой.
На озерах зоревали,
хоронясь в студеной мгле,
и печалились едва ли
об оставленной земле.
Из уютной, из обильной,
чуть вставали на крыло,
их как будто бы турбиной
к льдам арктическим несло.
Пробивались через стужу,
через множество препон,
через тыщи верст и ружей,
полосующих в упор.
Словно было в них спасенье,
в теплоте их малых тел,
и за ними серый Север
зеленел и голубел.
И слабеющий подранок
в клочьях битого пера
до конца тянул упрямо,
на отчизне умирал.

ВЕСНА 89-го

Что-то сделалось с сиренью:
словно гейзеры повсюду.
Может, некое знаменье
это брызжущее чудо.
Что все это предвещает:
голод, мор, перевороты?
Или это вздох прощальный
умирающей природы?
Что наступит, что случится?
Или то, полна участья,
к нам Вселенная стучится
и не может достучаться.

* * *

Я убегал из городов морочных,
и с поезда, замедлившего ход,
я спрыгивал, как с самолета летчик,
закончивший отчаянный полет.
Я убегал, и падала во мне
шальная скорость, затихало жженье.
Я ощущал в наставшей тишине
земли неторопливое движенье.
Я замедлялся в широте полей,
в лесах степенных, медленно растущих,
в глазах моих все четче и ясней
мир проявлялся изначально сущий.
Я видел небо не в осколках луж,
под игом всех проезжих и прохожих.
Под ним ничтожно мал и неуклюж
автобус проползал "коровкой божьей".
В нем жило облако, как божество,
являя неожиданные лики.
И самолетик, крошечный и тихий,
тянул несмело нитку из него.
Медлительно вспухавшие вдали,
от горизонта заходя все круче,
большими многоножками брели
тяжелые насупленные тучи.
И непогодь гнала меня под кров,
темнила воду, каплями узоря.
Как шаровая молния багров,
петух взрывался криком на заборе.
И слышалось немного погоды
бренчание тазов, бидонов, банок...
Потом под шорох вкрадчивый дождя
я засыпал, счастливый, как ребенок.

* * *

Ярославское шоссе,
утром ранним
я вхожу в тебя, как все,
я — твой странник.
Только ты не обессудь,
что, усталый,
я стремглав тобой несусь
сквозь подставы,
сквозь погосты и кремли,
сквозь часовни,
для отеческой земли
невесомый.
Прямиком меня сквозит
в сизом блеске.
Только сердце тормозит
в перелесках,
зацепляет за кресты,
тянет в поле:
задержись, куда же ты,

² Голубаны — порода уток

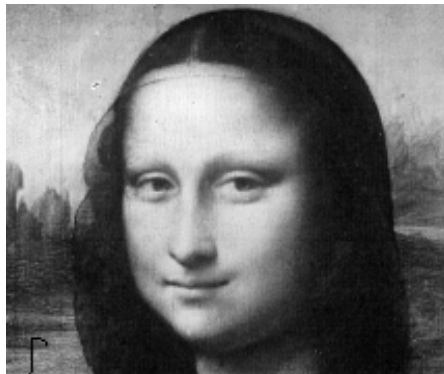
светящие прощальной прелестью
леса, израненные стужей.
Безжалостна пора печальная,
когда бесплодно все и сонно,
и быть должно сильней отчаянья
уменье увядать достойно.
Прошедший день считать наградой,
быть трезвым после пира летнего,
кренясь под ветром, но не падая,
все отдавая до последнего.

* * *

Весь разноцвет исчез,
весь осени угар.
И падает с небес
холодный белый дар.
Обильный, обложной
неутомимый снег,
он мягкой белизной
уравнивает всех.
Забыв угрозы цифр,
мы в этот белый день
всесильные творцы,
презревшие предел.
Как круглые миры,
резвясь и хохоча,
холодные шары
бросаем мы с плеча.
За комом быстрый ком,
и в звездные поля
стремительным снежком
уносится Земля.

* * *

Декабрь лютует, всех поправ,
зимы неукоснитель строгий.
Зазеленил еловый прах
его последние дороги.
Приходит день, угрюм и мглист.
С утра палачествовать надо.
Свершается мильон убийств
во имя древнего обряда
и с верой, что за декабрем
исчезнет хмурь, начнется сказка.
Волшебным светом озарен
придет январь, румян и ласков.
Он пустит года колесо
и обнадежит добрым словом,
он воскресающей красой
прильнет в домах к ветвям еловым...
Деревья мертвые сгорают,
минуя ожиданий сроки.
Поймешь двуликость января,
когда застынешь на припеке.

ПРЕКРАСНОЕ ЗАТМЕНИЕ

* * *

Вы красивы, вы красивы
я не знаю отчего,
как все женщины России,
или более того.
Вот теперь мне стало ясно,
как в былые времена
сотрясались государства,
шли гусары на гусарство
не от зелена вина.
Шли ва-банк и не страшились
пистолетов и молвы.
Ах, как головы кружились,
как терялись го-ло-вы!...
Но возможно ль в нашу эру
эти нравы примерять?
Я б хотел по их примеру,
только нечего терять.

* * *

Деревьев медленный стриптиз
на всех эстрадах улиц,
а я иду за вами, близ,
молю, чтоб обернулись.
Я притворюсь, что снова юн,
хоть нет мне воскресенья.
Я старый сказочник и лгун,
я весь как клен осенний.
Сорвется сердце словно лист,
последний раз в полете.
А Вы не поглядите вниз
и в сторону свернете.

* * *

Я знаю, я почти уверен:
 Вы неумны и нрав Ваш скверен.
 Что на меня Вам наплевать,
 что мне потом не сдобровать.
 Но хороши анфас и сбоку,
 но обольстительны как черт,
 но незнакомостью по Блоку
 меня отчаянно влечет.
 Так в воду, в зной, взмахнув руками
 бросаются, забыв про дно,
 что, может быть, скрывает камни
 вода, желанная давно.

* * *

В запахах дремучей чаще
 различу неоспоримо
 Ваш тончайший и горчащий,
 Ваш автопортрет незримый.
 Мне веселье — не веселье,
 словно я совсем пропащий.
 Мне тревожно и осенне,
 как среди листвы опавшей.

* * *

Чего хочу от этой женщины?
 Ей не понять, чего хочу.
 Мы с ней не сужены, не венчаны,
 хотя друг другу по плечу.
 И в этой четкой равносильности,
 когда борьба идет за пядь,
 сломившись от невыносимости,
 кому-то надо отступить...
 Я слаб,

и в этой сшибке чувств,
 в том изнурительном борении
 я вышиблен, я волочусь,
 ноги не вытащить из стремени.

* * *

Прощайте.
 Завершилась битва.
 В дыму кромешном, как в ночи,
 уходим хоронить убитых
 и раненых лечить.
 У них срастется, зарастет,
 к ним вновь вернется полноценность.
 Но их нарушенная цельность
 еще не раз их угнетет.
 Кто ж победил? Был тверже кремня

и жить остался без тоски?
 Нет никого. Бесстрастно время
 фигурки сбросило с доски.

* * *

Увлеченный течением
 той весенней поры
 всем твоим излученьям
 был беспечно открыт.
 Получающий кряду
 за ожогом ожог
 я сгорел с тобой рядом,
 но тебя не зажег...
 Унялись наши судьи,
 унеслись журавли,
 и легли наши судьбы
 словно вкось колеи.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРЕДКОВ

* * *

Все врут календари
А. Грибоедов
 Летописи все — вранье,
 Что описано с приязнью,
 иль хула на имя чье —
 так угодно было князю.
 Мемуары все — вранье.
 Автор, времени попутчик,
 виденье дает свое,
 чтобы выглядеть лучше.
 Вся история — вранье.
 Описание в угоду
 то ль вождю, то ли народу...

Перепишешь ли ее?

* * *

**Моим предкам братьям Монастыре-
вым: Нестору, белому подводнику, и
Сократу, красному летчику.**

Они были братья лихие,
и им подчинялись стихии.
Рожден для небесных один,
другой для подводных глубин.
Смягчало различие это
наличие общего цвета:
У каждого над головой
господствовал цвет голубой...
Но кто-то, сживая со света,
весь мир перекрасил в два цвета,
и тем разделил всю страну,
и воздух, и вод глубину.
И черные птицы вскружили,
и сделались братья чужими.
Дан каждому цвет навсегда,
как пропасть — навечно беда.
Сближенья цветов невозможны...
Оставил нелепый художник
взамен многоцветности всей
две краски в палитре своей.

* * *

**На Ходынском поле был первый мос-
ковский аэропорт.**

Деда в святцы никто не вписал:
ни героем он не был, ни мучеником,
Лишь над гробом всплакнул комиссар,
бывший слесарь над бывшим поручиком.
Заурядно скопил его тиф,
чем известен был год девятнадцатый,
а скорбел ли родной коллектив —
точной нету о том информации...
Два-три фото, поблекшая старь —
до чего уже годы неблизкие!
Он сидит, неприметный "технар",
а вокруг него асы ходыньские.
Его в сторону не увело,
когда рушилось все и шаталось.
Он страну поднимал на крыло,
когда только летать та пыталась.
Он работал, свой дух не губя
степеней достиженьем известных.
Самодержцы держали себя,
а Россия держалась на честных.
Смена лет, смена вер, смена вех,
но живут они и остаются.
Дед порядочный был человек,
а за то ордена не даются.

СМЕНА ЦЕННОСТЕЙ

Когда-то писал я в анкетах,
что русский и член чего надо,
что родичей нет за границей,
что предков сомнительных нету,
а за несоветские взгляды
никто не посажен в темницу...
А ныне я слогом былинным
могу объявлять и гордиться,
хоть устно, а хоть на бумаге,
что предок мой был дворянином,
что дядя сбежал за границу,
а теща сидела в Гулаге...

* * *

Есть кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
Растет нерусская там трава,
и на могилы из суеты
нерусские приносят цветы.
Под вечер нерусская тишина
нисходит на русские имена
всех тех, кого уложила судьба
на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
В могилах, ветхих, как праотцы,
лежат изгой и беглецы.
Одних не приняли — и беги.
Других не приняли — во враги.
Забыла про Сент-Женевьев-де-Буа
Россия, жестокая, как вдова,
которая не прощает измен
и отвечает забвеньем взамен.
И будь всемирно ты знаменит,
а все ж тебе не положен гранит.
На кладбище Сент-Женевьев-де-Буа
у всех одинаковые права.
Лежат там дружно, как с братом брат,
помещик и сталинский лауреат.
Оттуда изгнан, сюда не зван
Некрасов Виктор и Бунин Иван.

ИЗ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

* * *

То было время всех печалей,
смертей, разлук, разрух, седин.
Военный школы курс начальный
я у сержантов проходил.
Горело все, рвалось на части,
сшибали пули с ног меня.
В моих глазах предсмертно гасли
ракеты красного огня.
Я голодал, я надрывался,
меня утюжила беда.
Но я ни в чем не сомневался:
все было ясно мне тогда:
Тому — молиться, это — выжить,
не размышляя о пустом.
И оставалось только выжить,
а все уладится.

Потом.

ВСТРЕЧНЫЙ МАРШ

Какая музыка была!
Какая музыка играла...

А. Межиров

Ах, как играли встречный марш!
Я вам замечу.
И выезжал он, маршал наш
к войскам навстречу.
Войска звенели, как струна,
готовы к брани.
Но началась вдруг война,
некстати крайне.
Наш маршал был слуга Вождю,
отец солдатам,
Сказал: врага я победю!
А дальше матом.
Солдатам что: один удел —
легли, где вышло.
Везде, где маршал проглядел,

а маршал выжил...
Опять играют встречный марш
по красным датам.
И выезжает маршал наш
к другим солдатам.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ (эскиз)

Тихий вечер.

Дымятся подбитые танки,
на стволах пулеметных дымятся портянки.
Слава мертвым.

Помянем же тех имена,
водкой чьей оделяет живых старшина.
Словно милость Господня достигает нутра.
Тот, кто выжил сегодня,
доживет до утра.

* * *

Бригантина поднимает паруса.

П. Коган

Им всегда будет двадцать.
Им дано и во сне
не к жене прижиматься —
к земле и броне.
Их немногие строки
только стали слышны,
и недолгие сроки
им даны от войны.
За себя нет опаски, —
только, чтобы не срам.
В них недавний испанский
лозунг "но пасаран".³
Их отвага и совесть
небывалый редут:
ни фашисты, ни подлость
никогда не пройдут.
Косят их пулеметы,
давят танками их.
Но сильнее этих мертвых
нет на свете живых.
Смотрят прямо и строго
их глаза как с икон...
За тебя, Павел Коган
поднимаю стакан.
За высокую ярость
честно прожитых дней.
За не сданный парус
бригантины твоей.

³ "Не пройдут" — лозунг испанских республиканцев во время гражданской войны 1936 — 39 гг.

* * *

Пехота, царица полей,
спаленных и танками стертых,
стоишь ты в державной своей,
сопρευшей до дыр гимнастерке.
Царица, изволь, расскажи
(ведь разные были моменты!)
о том, как носили пажы
тебе пулеметные ленты.
Как ты отправлялася в бой,
окопным пресытившись "кейфом",
как следом несли за тобой
обозов тяжелые шлейфы.
Как шла ты на тысячи жерл
в редующих потных колоннах,
смолкал бог войны, поражен,
и доты валялись в поклонах.
Как с сонмом чудовищ стальных
стеклянным оружием сражалась,
и как на трудах земляных
нелегкое царство держалось.
И как от превратностей всех,
от пуль, от дождей и от ветра
хранил тебя ратный доспех
в один миллиметр брезента...
Царица, гляди веселей:
земля укрепила тобою.
На тысячи тысяч полей
лежишь ты, почившая в бое.⁴
Твой образ нетленен в веках,
и я, становясь на колени,
твоей августейшей шинели
целую шершавый рукав.

* * *

31 июля 1944 г. военный летчик писатель Антуан де Сент-Экзюпери не вернулся из полета.

Земной объявши шар,
печально и легко
плывет его душа
в долинах облаков.
И для его друзей,
и для его врагов —
одна
на всех людей
плывет его любовь.
И пусть разобщены —
одна,
как свет зари.
Он не любил войны,

⁴ аналогично "почила в бозе".

майор Экзюпери.

МИРНОЕ

Брели дорогой танки, как слоны,
Как хоботы, качались их стволы.
И было дико
робкому коню
глядеть на громыхающую нежить.
А им хотелось
потную броню
в речную воду окунать и нежить.
И вот, храпя устало и пыля,
они прошли опасные поля,
забились в лес, окалиной запахший,
поерзав в нем, устроились для сна.
Затихли...
Только вздрагивали башни,
когда им снились пушки и война.

ПРОФЕССИЯ

* * *

Мы жезлов не носим в ранцах:
надорвешься без таланта.
Нам стараться, не стараться —
оставаться в лейтенантах.
Может, по другим причинам,
а быть может, в обиходе
мы ведем себя не чинно —
вот нас чином и обходят.
Ну, и бог с ним!

Чин — не знамя.
Главное, чтобы с охотой,

главное, чтобы за нами
поднялась в бою пехота
и бежала беззаветно
и "ура" во всю орала...
Лейтенанты незаметны,
побеждают генералы.
Генералы нас мудрее,
генералы делом правят.
Лейтенанты не стареют:
молодыми умирают.

НЕМНОГО О ЦЕЗАРЯХ

Власть в сенате не схвачена,
легионам не плачено...
Так куда ж ты прешь дураком?
Я предчувствую славу.
Навести переправу
через, как его там, Рубикон!
На аркольском мосту
смерть стоит на посту,
все живое срезая картечью.
Ты куда, Бонапарт?
Может, ты психопат,
изуродован геным увечьем?
Пули их не берут,
путь их долог и крут,
славит их и клянет человечество.
Есть на каждого Брут,
и про каждого врут,
потому что, действительно, есть с чего.

* * *

Не хвастай, время, властью надо мной.

В. Шекспир. Сонет.

От мировых светил в сторонке
поэт рождается во мраке.
Пока марает он пленки
и не марает он бумаги.
Но явлена Господня милость,
дана невиданная сила.
Тогда пред ним звезда явилась
и до конца ему светила.
Ломались хлипкие подмости,
несло толпу девятым валом,
секло дождем, бил ветер хлесткий,
Так ничего не миновало:
Болезнь, безденежье, похмелье,
монарший гнев, людские козни...
Казалось: кончилось уменье,
есть пустота одна лишь возле.
Но нет: сквозь сумрак глаз опухших
звезда пронзительно глядела,
небесный глас врвался в уши,

и снова продолжалось дело.
Звезда погаснет — станет пусто.
Покуда ж суждено гореть ей,
не прекращается искусство,
и начинается бессмертье.

БАЛЬЗАК

Писать вот так: блистательно, божественно,
чтоб обожая и кляня,
собратья, кредиторы, женщины,
преследовали бы меня.
Иной талант подобен катастрофе,
самосожженья требуя взамен,
Но есть рецепт: сто тысяч чашек кофе,
э вуаля ля комеди дюмен.
А я пишу невнятно и понуро,
ссылаясь на иные времена.
Так чем же ты жива, литература?
Сто тысяч чашек крови — вот цена.

* * *

Не смотрите, дети, так,
Не копите динамита:
перед вами тихий прах,
а совсем не пирамида.

Автоэпиграф.

Понял я: не в этом зло,
что во лбу немного пядей.
Знаю я, мне повезло:
я смиренно зауряден.
Заявляю: блажен муж,
иже выпьет после бани.
И не нужно тыщи душ
насыщать пятью хлебами.
И не нужно новизной
раздражать наукознатцев,
и не нужно в шар земной
лбом высоким упираться...
Не разыщет славы перст
растворенного в народе,
кто для бронзы и на крест
одинаково не годен.
Не возвысят времена
тихо жившего и пресно,
и не будет течь слюна
по мощам его безвестным.
И не будет ничего:
анекдотов, лжи, плакатов.
Душу скромную его
не растащат на цитаты.
Не мудрец и не святой,
сгинет он, в забвеньи сверзьясь.
Его именем никто

не прикроет чужь и мерзость.
И тянуть не будут жил
и юродствовать у храмов...
Даже если гнусно жил,
мертвый, он не знает срама.

* * *

Переводчик, где ты ходишь,
что ты нынче переводишь?
Может, денежки на рынке,
может, детские картинки?
Может, дело на безделье,
может, трезвость на похмелье,
может, попусту бумагу?
Безъязыкого беднягу
(беззащитному беда!)
переводишь не туда?
Безъязыкий, как незрячий.
Только слово бьется в плаче,
ходят толпами калеки —
им отпущен жизни час...
Переводчик, переводчик!
Не забудь: ты перевозчик,
Перевозчик через реки,
разделяющие нас.

* * *

Береженого Бог бережет...
От ненастья, от пуль, от забот,
от греха, от проклятых вопросов,
от инфарктов, бессонниц, неврозов,
от врагов и от новых идей,
от любви, от друзей, от детей,
от конфликтов, от гнева начальства,
от любого на свете несчастья.
Постоянно Господь начеку:
подзащитного вирус не скосит,
и уж яблоко ветка не сбросит
береженому вдруг на башку.
Хорошо береженный живет
под щитом благосклонности Божьей.
Береженого Бог бережет...
Только б знать хорошо: для чего же?

* * *

Ах ты, сукин сын, камаринский мужик,
Ты куда, скажи, по улице бежишь?

Песня.

Непутевому с рождения беда,
все равно ему — огонь или вода,
все равно ему — четверг или среда,
непутевым остается он всегда.

Непутевому авансы пропивать,
в целине пути да трассы пробивать,
землю рыть, леса валить и трелевать,
и с начальством без конца конфликтовать.
Непутевый... И куда его влечет?
Дождь лицо его открытое сечет.
Не боясь, напропалую ломит, черт!
И покой его минует и почет.
Непутевому мотаться без жены,
сдуру лезть на пулеметы и рожны...
Ну, а может, все-таки, нужны
непутевые ребята для страны?

АЛЬПИНИСТ

Нисходил он в наши стены,
равный птицам и богам.
Волоса его блестели,
как вершинные снега.
Он спускался в мир наш плоский,
неземной какой-то весь,
приносил цветок неброский
под названьем эдельвейс.
Он мне сказочным казался,
тот цветок, нехитр на вид,
словно где-то рос на Марсе
и непросто был добыт.
И с возвышенностью книжной
я мечтал когда-нибудь
эдельвейс, как орден высший,
приколоть себе на грудь...
Наконец, оно настало,
приобщенье к высоте:
наяву я лез по скалам
над оскалом пропастей.
В схватке с дыбившимся камнем
я отчаянье глушил
не смиряемым желаньем
одоления вершин.
Я дышал до боли тяжело
редким воздухом небес.
Зауряден, как ромашка,
рос под нами эдельвейс.

ПРОФЕССИЯ

Не бравый искатель из песни,
которому быт невдомек,
а просто из многих профессий
я выбрать другую не смог.
Она одаряет отличьем,

как шпорами на сапоги,
Хоть будь ты уныло обычным
и даже обычной других...
Когда через круглые раны
свирепо дышала земля,
на горлах ревуших фонтанов
закручивал я вентиля.
Месил я снега и болота,
в подвижники годен вполне.
Но все это — просто работа,
которая выпала мне.

* * *

Когда стихи заводят в переплет,
или грозит иная заварушка,
тебя в деревню государь сошлет,
где существуют речка, няня, кружка.
Где так снега сияюще чисты,
соседок милых ласковые взгляды,
служенье муз идет без суеты,
а больше ничего тебе не надо.
Как хорошо вдали от мятежа
смотреть в глуши забытого селенья,
как льется воздух на мороз, дрожа,
и саламандра пляшет на поленьях.

МОЯ КАРЬЕРА

Когда мы были молодые
и чушь прекрасную несли...

Ю. Мориц.

Хорошо быть молодым,
как в одной поется песне.
Если и напьешься в дым,
все равно к утру воскреснешь.
Из седла не вылезал,
если надо было, сутки.
И в науке я дерзал
и дерзал я вне науки.
Ни над кем я не царил
в жизни бодрой и не чадной.
И был нитроглицерин
для меня тогда взрывчаткой.
Был я смелым как эсер,
часто плыл против течения...
А теперь пенсионер
просто местного значенья.

* * *

Стихи не пишутся — случаются.

А. Вознесенский.

Вдруг сотворится

случайно что-то.
Как говорится,
что за работа?
В ответ на это
хоть и не хают,
аплодисменты
не возникают.
Совсем не явен
синдром успеха.
Нет места славе,
но все ж есть эхо.
Пускай не шибко,
пускай немного:
полуулыбка,
полутревога.
Рожденье мысли,
движение чувства.
Пускай не выси,
но и не пусто.
Не всуе вовсе.
Вот и не сгинем!
А слава, Бог с ней...
Пусть спит с другими.

КЛЯТВА ГИППОКРАТА

Не сотвори вреда больному,
не сотвори вреда иному,
непризнанному, невозможному,
на принятое непохожему.
Служителя нелегких истин
не осуждай: он не корыстен.
И не делами бесполезными —
твоими занят он болезнями.
Своими бедами тревожась,
прости его за непохожесть.
Он, над тобою не смеявшийся,
быть может, ты — несостоявшийся.
Когда его ты презираешь,
ты не его — себя караешь
за то, что был ленив, несмел,
за то, что сделать не сумел.
Пойми ж прекрасное уродство,
прости чужое превосходство,
живущее себя губя,
и будет благо для тебя.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Плешивую дату, не каюсь,
примите без грусти.
Принес ли вас аист,
а может, нашли вас в капусте.
Грозит ли вам шизис, начальство,
конфликты до гроба.

А может, скончаться
 придется от пошлого тромба.
 Забудьте, что было, что били,
 что жили не сильно.
 А просто за то, что вы были,
 скажите спасибо.

НА ПУТЯХ ХРИСТОВЫХ

* * *

Отче, Господи, что Ты!
 Для чего Ты поставил меня
 на такие работы,
 что сквернее меча и огня?
 Отшатнись, жизнь даруя
 всем, бездумно зачатым, подряд.
 Они пьют и воруют,
 предают и прелюбы творят.
 Сущий крест — он в напрасном,
 но иду до конца не кляня.
 И в саду Гефсиманском
 мой убийца целует меня.

* * *

Христос добился цели:
 чтоб душу уберечь
 центурион Марцеллий
 швырнул на землю меч.
 Стал призывать, неистов,
 к смирению и любви.
 И психа особисты
 немедля загребли.
 Но вынес заключение
 гуманное легат:

Марцеллий на лечение
 направлен был в штрафбат.
 Пусть варварам внушает
 учение свое,
 что вряд ли помешает
 всадить в него копье.
 Копье неоспоримо
 всегда как аргумент...
 Но вскоре был из Рима
 получен документ.
 На благо для отечества
 приказывалось там
 от Бахуса отречься
 и возлюбить Христа.
 Кто против новой веры,
 тот негодяй и трус!
 И все legionеры
 вскричали: гот мит унс!⁵
 На варваров насели,
 имевших бледный вид.
 Вел легион Марцеллий,
 герой и замполит.

* * *

Что-то властвует над нами:
 подсознание — царь царей,
 чье-то имя, чье-то знамя
 или попросту хорей.
 Но свершивши святотатство,
 что-нибудь из скверных дел,
 есть возможность оправдаться:
 я не сам — так бог велел.
 Бог имеет много данных,
 чтоб заставить и увлечь.
 Бог — он выдумал Майданек,
 а других заставил жечь.
 Взоры к небу устремивши
 с выражением тоски,
 по велениям всевышних
 обжигаем мы горшки.
 И за послушанье это
 в обращении с огнем
 обещается победа
 в этом мире иль ином.
 Не смущайтесь как там будет,
 как в анналах помянут —
 победителей не судят...
 Победителей клянут.

⁵ С нами бог (нем.)

ПЕТР

... "Истинно говорю тебе: не пропоет петух,
как отречешься от Меня трижды".

от Иоанна 14.38.

Немилосердна ночь,
страшна усталость.
Быть преданным невмочь,
предать осталось.
Замкнулся адский круг,
ничто не мило:
ни смерть, хоть на миру,
ни жизнь вне мира.
Казнь за далекий прок
принять непросто,
когда ты лжепророк,
а не апостол.
Казнь во спасенье тех,
кто смотрит пьяно
потеху из потех —
конец смутьяна.
Нет, свет неугасим,
и вера в силе.
Не стало больше сил
идти с Мессией.
Светильник мой потух,
бессильна речь вся.
Вот-вот вскричит петух,
пора отречься.

ЯНУШ КОРЧАК⁶

Человечность всегда без жеста,
если подлинна и чиста.
Жизнь — не подвиг и смерть — не жертва,
и Голгофа — не пьедестал.
И не верю я крест несущим
и болтающим о кресте,
как не верят к Христу зовущим
и живущим не во Христе.
А распятый на взлобье дота
ждал ли после земных щедрот?
Человечность — всегда работа,
тяжелейшая из работ.
Возлюбите же, возлюбите
братьев ваших и ваших сестер,
но любовью их не корите —
надо молча всходить на костер.
Все естественно и непременно:
вам терзания — им благодать,

⁶ Известный польский врач и педагог. В 1942 г. уничтожен в концлагере Трешлинка вместе с детским домом, который возглавлял. Мог спастись, но остался с детьми.

и себя пожалеть — измена,
а спастись — это, значит, предать...
Человечество, ты греховно,
опоганившее свой дом,
и когда-нибудь перед Верховным,
ты, наверно, предстанешь судом.
Оправдаться нельзя — все дико.
И взошедший на эшафот,
от карающего вердикта
доктор Януш тебя спасет.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Вот спектакль кончается
и завтра наступит финал.
С благодарностью всем прощается,
кто преследовал и изменял.
Будут мне аплодировать
и молиться тысячи лет.
Будут имя мое скандировать
и заучивать каждый куплет.
Заверяю: грядущее благостно,
обретут утешенье рабы.
И не надо стенать и плакаться:
смерть на сцене — подарок судьбы.
Пусть врубается все освещение,
а партер отдают голытьбе.
За прекрасное вознесение
о, Иуда, спасибо тебе!

НОВОГОДНЕЕ

Не хватило выпивки в Кане Галилейской —
спас Христос.
Чокнутого отрока от судьбы злодейской —
спас Христос.
Доходягу Лазаря хвори уморили —
спас Христос.
В аморалку впала девушка Мария —
спас Христос.
От нечистых помыслов живших на зарплату —
спас Христос.
Угрожало снятие Понтию Пилату —
спас Христос.
Коль еси на небеси,
человечество спаси —
не от мора, не от глада,
не от ядерного ада,
не от гнева Твоего.
От него от самого.

А может, так ему и надо?

* * *

Приснилось мне, что я сам бог
державший свод высокий.

Г. Гейне.

У Господа дети не удались,
начиная с Адама и Евы.
Господь им предписывал: права держись,
а они все стремились налево.
Уж Он наставлял, проклинал и карал
поодиночке и скопом.
То пламенем с лика земли их стирал,
то всех заливал потопом.
Он отдал распять богородную плоть...
Но что толку в подобных приемах?
Они скоро сами сгинут, Господь,
и тогда Ты наделаешь новых.

* * *

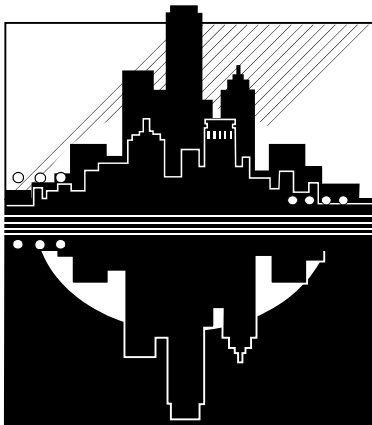
Учение Маркса всесильно, потому что
оно верно.

В. Ленин.

Абсолютам внимали,
утверждавшим химеру.
Если не понимали,
принимали на веру.
И все было отменно.
Лишь потом раскусили,
что учение верно,
потому что всесильно...

* * *

За божественным ликом
в ипостаси земной
шли мы к цели великой
шли в колонне одной.
Не кричавший нам "браво"
был плохой человек,
а шаг влево и вправо
значил явный побег.
(Отгремела тачанка,
унеслась в небытье.
Постепенно овчарка
заменила ее.)
Шли мы гордо под стягом,
не сбиваясь с ноги,
и за каждым оврагом
нам казались враги.
Шли мы бодро и рьяно,
кандалами звеня,
но считали мы явно:
это — наша броня.
За простертою дланью
по делам, по телам,
с нестерпимым желаньем,
чтобы все — пополам.
Мы не пили, не ели,
мы не жили путем:
доберемся до цели —
и все будет потом...
Вдруг возьми и исчезни
командиры-отцы.
Встали мы возле бездны,
разбредясь как слепцы.
Навести б переправу,
да вот кто разберет:
где тут лево, где право,
где тут зад, где перед.

ВО ДНИ МАРАЗМА

* * *

Христос въехал в Иерусалим на осле.
Из Евангелия.

Тут можно не заглядывать в скрижали —
о том известно всем накоротке.
По-разному в историю въезжали:
кто на осле, кто на броневике.
Слова их и деянья потрясали,
они трудились до исхода сил.
И оба человечество спасали,
хотя никто об этом не просил.
И все же жребий был у них неравен,
и судьбы их сложились невпопад.
Один распят был, а потом стал славен,
другой был славен, а потом распят.
Отсюда мысль дается нам в наследство
о важной роли транспортного средства.

* * *

Мы в немом кино парили,
кто артист, а кто — статист.
За нас титры говорили,
что придумал сценарист.
Если вопреки афише
открывала рыбка рот,
ее голос мог быть слышен
через сурдоперевод.
Но прогресс стал неминуем.
По велению наук
фильму сделали иную,
в коей даровали звук.
И участниками сцены
поднят был такой галдеж,
что валиться стали стены,
получил фундамент дрожь.
Громкогласие базара,
трещины на потолке.
Зрители бегут из зала:
может стукнуть по башке.

* * *

В телекинопанораме
много всяческих чудес.
Со свечой стоит во храме
бывший вождь КПСС.
Савл, который изгонял,
смотрит Павлом, не покаясь.
Относительно меня
указание Христа есть...

* * *

Как провожают пароходы. Песня.
Август! Девятнадцатое! Боже, что за дата!

П. Беранже.

Как провожают президентов?
Совсем не так, как поезда.
Под брань различных элементов
он убывает навсегда.
В парламенте не рукоплещут
и почестей не воздают.
И если даже не клеветают,
гарантий нет, что не убьют.
Маразм, маразм. Кругом маразм.
И много раз сплошной маразм.
Народ его любил когда-то
и на руках его носил.
Но стал он вроде супостата,
Как только выбился из сил.
Теперь не слева и не справа,
а сразу бьют со всех сторон.
Проходит так земная слава
от триумфа до похорон.

Маразм, маразм. Кругом маразм.
И много раз сплошной маразм.
Когда стоит альтернатива:
свобода лучше, чем еда,
все хочется решить красиво
за полчаса и навсегда.
А если этого не можешь,
народ бессильем оскорбя,
то голову бесславно сложишь,
и ноги вытрут о тебя.
Маразм, маразм. Кругом маразм.
И много раз сплошной маразм.

* * *

Гордость бесполезна,
гордым слыть не лестно,
будьте так любезны:
уступайте место.
Не стремясь возвыситься,
уступайте

в споре,

в транспорте, на виселице
и на минном поле.
Не бросайтесь в месиво
злобою взведенных,
уступайте весело
и непринужденно.
Не тряситесь в стрессе:
сердце ведь не камень.
Что вам этот крейсер?
Не уют же мамин!
Надо жить по совести,
уступив медали.
Уступите даме
место в бронепоезде,
микрофон — оратору,
видик — оператору,
литфонд — литератору,
а земфонд — оратаю.
Жизнь пойдет на лад еще,
будет все прелестно,
и на лучшем кладбище
вам уступят место.

* * *

Как приятно, согласитесь, отмечать,
что живем уже на свете много лет.
Надо бы по деревяшке постучать,
да некрашеного дерева-то нет.
Ни скамейки, ни стола, ни чурбака,
ну а спички, очевидно, не спасут.
В полировке все вокруг до пустяка,
а некрашеное дерево — в лесу.
Надо б выбраться туда, да недосуг:

кислород перерабатываем в дым,
посмотреть, как поживает этот сук,
на котором мы пока еще сидим.

* * *

Вновь вижу, за жизнью следя,
отряд ветеранов сплоченных,
вздыхающих лики Вождя
под сенью знамен кумачовых.
Глаза их сверкают огнем,
возносят Вождя без утайки:
победы гремели при Нем,
и были закручены гайки.
А всех демократов — к ногтю,
добили страну, скоморохи!
Вновь слышу: спасибо Вождю —
рефрен незабвенной эпохи.
Но я благодарнее всех,
ничтожнейший винтик в машине.
Спасибо, товарищ Сверхсек,
что жизни меня не лишили.

* * *

Повторяется по временам
ностальгия по временам,
где нас, как никак, а кормили,
где Чернобыли не дымили,
где жилось так неплохо нам.
Где обиженная жена
находила в горкоме жилетку,
и железно на пятилетку
пайка каждому определена.
Легкомысленно не ценили,
диссидентствовали и ныли,
и на кухнях кричали: "долой!".
А теперь, господа, не пеняйте:
что посеяли — пожинайте.
Наше прошлое стало золой.

* * *

Говорим мы уверенно
за народ, про народ,
словно он — одно дерево,
а не разных пород.
Это — лес человеческий,
где и пень — индивид.
Кто шумит, кто лепечет,
кто скрипит, кто гудит.
Есть листва и иголки,
сухостой и гнилье,
кто в тени и в сторонке,
кому солнце — свое.

Своя вера у всякого,
как бы кто не назвал.
Смотрят все одинаково
лишь на лесоповал...
О ревнитель, страдатель,
сочинитель фигни,⁷
общий свой знаменатель
на числитель смени!

* * *

Деревня — место, где растут деревья,
посажены природою самой,
И вольно там гуляют пух и перья,
а также шерсть и мясо под луной.

Из энциклопедии.

Вряд ли знает Россию он,
кто решил наводить порядки,
тот, кто тетушкин самогон
не закусывал луком с грядки.
Когда пьют мужики не спеша,
с разговорами, но без скандала,
и оторванная душа
к их общинной душе припадала.
Что там завтра: косьба ли, война —
лишь послал бы Господь похмелиться...
Вдруг подумаешь: вся их вина,
что крестьянами вышло родиться.
Неприкаянная страна,
с непредвиденною судьбою,
ковыляет куда-то она
и куда-то их тащит с собою.

* * *

Вот у райских ворот
стоит несколько рот.
Не пускают их, словно заразу.
Ты скажи, старина,
в чем же наша вина?
В том, что вы подчинились приказу.
Вот у адских ворот
те же несколько рот.
Их впускают в кромешное сразу.
Ты скажи, сатана,
в чем же наша вина?
В том, что вы подчинились приказу.

⁷ Допускается более сильный синоним.

* * *

Удаление ли гланд,
удаленье ли вождя...
Фатерланд мой, Фатерланд,
кто же выдумал тебя?
Был творец то ли в бреду,
то ли вел эксперимент,
иль в критическом году
он проспал какой момент?

К ВОПРОСУ О РОДИНЕ

У кого-то она историческая,
у меня же она истерическая,
то к кресту зовет, то к топору...
И бывает совсем не до смеха.
Вот бы взять и с отечества съехать,
да все вещи не соберу...

1997 г.

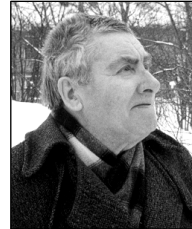
* * *

Не живем мы, а проживаем,
мерзко мусоря и вреда.
Остается не заживаем
след от трактора и вождя.
Мы разбрасываем камня
с целью что-нибудь размозжить,
потерявши давно уменье
не во имя, а просто жить.
Надо б как-нибудь успокоить
изверженья командных высот,
надо б, камни собрав, построить
дом, которого брань не трясет.
И друг друга любить ненавязчиво,
обходясь без великих идей.
Жить совместно долго и счастливо
и умереть в один день.

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

член литобъединения с 1965 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КРИЗИСЕ ПОЭЗИИ

(из истории ухтинской литературы)

За свою историю человечество, вернее, его в чем-то просветленная часть, не раз уже предрекала, если не конец света вообще, то конец чего-либо. Особенно это касалось искусства и особенно в двадцатом веке. Например, по мере развития фотографии начали поговаривать о конце живописи. Одно время приговорили к кончине такую литературную форму, как роман. По мере прогресса звукового кино начали косо поглядывать на театр. И наоборот, по мере совершенствования телевидения заговорили об ущербности кинематографа. А в последнее время чуть ли не приговорили поэзию.

Я сам видел статьи в таком серьезном органе как “Литературная газета”, в которых поэзию объявили чем-то архаичным, вроде глаголицы. А лейтмотив таков: время, мол, поэзии навсегда прошло... Да и то, разве поэзия имеет сегодня такой размах, а, главное, общественный интерес, как это было, например, в 60-е годы, когда перед полными до краев Лужниками витийствовали Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Окуджав, Рождественский и иже с ними. А сколько выходило стихотворных книжек! И ведь не залеживались на прилавках. Да что книжки! Любая публикация значительного стихотворения, будь то газета, журнал, эстрада, становилась общественным достоянием. Стихи ждали, с ними делились друг с другом, их скандировали и заучивали. Это

было, можно сказать, легендарное время. Видимо, сказался многолетний голод по живому слову.

Конечно, с годами происходил спад, но роковыми явились, несомненно, 90-е годы, когда в обществе интенсивно происходили известные преобразования. Да, еще немало печатается стихотворных книг и подборок в журналах и газетах. Еще не все кумиры нашей молодости опочили. Немало ведь есть и талантливой молодежи. Таким образом, речи нет о значительном умалении авторского актива. Но несомненна глобальная потеря интереса к поэзии. Конечно, негативно сказалась коммерциализация общества, которое стало циничным и лишилось романтики бытия. Поэтому в пору говорить о кончине самого возвышенного жанра нашей литературы. И это не взирая на такие вершинные образцы, каковыми являются произведения, например, И. Бродского. Но это, как говорится, штучная поэзия. Мы же говорим, так сказать, о серийном производстве. Мне кажется, что помимо неблагоприятных социальных условий, поэзия сама загнала себя в ущербные формы. Прежде всего, были утрачены романтика и лиризм — основные составляющие поэзии. Утвердился некий, я бы назвал, беспощадно ироничный стиль, при котором употребление элементов романтики и лирики оказывается как бы архаичным, выпрненным и даже постыдным делом. В большой поэзии наиболее яркими представителя-

ми этого стиля я бы назвал так называемых концептуалистов. Пригов, Кибиров, Иртенев и т. д. очень способные авторы. Их произведения, как правило, написаны блестяще. Но вряд ли читатель получит хлеб насущный. Сарказм, цинизм, резкое отрицание действительности — вот основная пища, которая ему будет предложена. Миска баланды или, как ныне принято выражаться, “чернухи”. Немало стихотворных подборок можно найти в различных литературных журналах. Но здесь в большинстве случаев, несмотря на явную талантливость авторов, наблюдаешь, я бы сказал, замкнутую исповедальность. До смысла добираться не сразу, а иногда он не доходит вообще. Конечно, я уже, может быть, безнадежный старый дурак, которому не понять молодежи. Но все-таки, более полувека пишу стихи и более шестидесяти лет их читаю. Такое иногда идет самовыражение, что, наверное, только сам автор и несколько его приближенных в нем разбираются. Ну, если до тебя не доходит, тогда не читай — могут сказать в

редакции. Отсюда возникает извечный вопрос: кому нужно это творчество? Автору? Журналу? А для кого журнал?

Мне кажется, в извечном споре: “а нужно ли это народу?”, читатель давно и надолго проиграл. Благо, никаких препонов нету: мели, Емеля! Поэзию, конечно, жалко. К тому же чуть что цитируют Евтушенко: “Поэт в России больше чем поэт”. Ужасно вредная фраза. Тем и особенна российская литература, что писатели всегда лезли не в свои дела. Таково, по моему мнению, положение дел в большой литературе...

В Ухте у нас более благополучно. Наши поэты не отрываются от “народа” и главное — от поэзии. Несомненные успехи в последние годы имеют Анатолий Илларионов, Анатолий Пашнев, Галина Сологуб. Во всяком случае, подлинного лиризма им не занимать. Одновременно, как старший товарищ, хочу им посоветовать не замыкаться в одних и тех же темах и образных системах.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

“МОЙ КАМЕРТОН НАСТРОЕН НА ВЕСНУ”

**Мой камертон настроен на весну,
Звучат в душе мелодии лесные,
И ручеек, похожий на блесну,
Со мной поет дуэтом о России.**

Эти лирические строки ухтинского поэта Григория Ботвинника стали своеобразным эпиграфом к творческому вечеру его коллег — служителей поэтической музыки.

Пожалуй, впервые за много лет в большом зале городского Дворца культуры прозвучали в единой программе стихи самодельных авторов и поэтов-профессионалов. Автор театрализованной композиции и режиссер — заслуженный работник культуры РК Людмила Николаевна Дудина. Сплетенный умелой рукой венок под названием “Любовь, весна, поэзия и песня” стал для зрителей и участников вечера настоящим праздником в преддверии 200-летнего юбилея А. С. Пушкина. Именинниками чувствовали себя на сцене признанные мастера, авторы недавно изданных сборников Ирина Кутепова, Геннадий Иванов, Григорий Ботвинник, член Союза писателей России Анатолий Пашнев. С радостью приветствовали зрители Павла Корюгина, Николая Жукова, Евгению Измайлову — эти имена известны любителям поэзии по публикациям в газете “Ухта”. А для Валентины Торичневой этот день стал памятным вдвойне: состоялся ее дебют на страницах газеты.

Геофизик, юрист, строитель, журналист, культработник... Разные профессии у этих людей, разные судьбы. Но объединяет их искренняя любовь к Его величеству Слову, желание внести свой вклад, пусть совсем скромный, в сокровищницу поэзии. Гостеприимная хозяйка музыкально-литературной гостиной Л.Н. Дудина постаралась рассказать о каждом из них тепло и искренне. В исполнении известных чтецов — Г. Майковой, В. Квачантирадзе и других членов клуба “Поэзия” произведения поэтов-любителей звучали проникновенно и неожиданно волнующе. Некоторые из них, оказалось, прекрасно ложатся на музыку, и ухтинские вокалисты с радостью включают их в свой

репертуар. Таким музыкальным подарком стали песни “Бабушка” на слова И. Кутеповой, “Белоснежка” Е. Измайловой, которую спела ее внучка Марианна, и романс “Что же с нами будет?” А. Пашнева в классическом исполнении А. Вербовой. А еще залиvisto пели в этот вечер гармошки, звенели частушки, звучали стихи... И не верилось зрителям, что все это море рифм, образов, ритмов создано творческим горением земляков, таких знакомых и неизвестных в своем искусстве.

Самодельным поэтам, неизбалованным вниманием, не просто было решиться выйти на сцену Дворца. Соберутся ли зрители на литературный вечер, будет ли им интересно? Но Л.Н. Дудиной удалось убедить каждого из приглашенных. И в очередной раз доказать себе и другим, что есть в нашем городе благородная и благодарная публика, способная по достоинству оценить усилия настоящих творцов. Ухтинцы, правда, в основном пожилые, слушали очень внимательно, аплодировали щедро, а под конец многие даже направились на сцену и за кулисы, чтобы подарить цветы и еще раз сказать спасибо всем участникам этого необычного вечера.

Да и сами поэты не спешили расходиться. Собравшись в просторной грим уборной, они еще долго обсуждали подробности своего сценического дебюта. И пришли к выводу, что проводить подобные встречи со зрителями нужно как можно чаще, тем самым отдавая поэтическую дань и предстоящему юбилею А.С. Пушкина. А еще — хорошо было бы выпустить коллективный сборник ухтинских авторов. И один из них — бывший культработник, а ныне преуспевающий коммерсант — пообещал найти средства для издания. Будем надеяться, что книжка уже в этом году придет к читателям.

Н. Духовская
(Газета “Ухта” 21.03.98 г.)

БИБЛИОГРАФИЯ УХТИНСКИХ АВТОРОВ

Журавлев-Печерский В. С.

- “Моя звезда”, стихи, Сыктывкар, 1957 г. 2000 экз.
“Моряна”, стихи, Сыктывкар, 1960 г. 2000 экз.
“Междузорье”, стихи, Сыктывкар, 1962 г. 2000 экз.
“Глоток воды”, рассказы, Сыктывкар, 1964 г. 3000 экз.
“Зеленый дождь”, рассказы, Москва, 1965 г. 10000 экз.
“Здравствуй, синегория”, повести, Сыктывкар, 1966 г. 15000 экз.
“Разрыв-трава”, рассказы, Сыктывкар, 1968 г. 13000 экз.
“Взводень”, стихи и поэмы, Сыктывкар, 1989 г. 4000 экз.
“Марьин корень”, повести и рассказы, Сыктывкар, 1969 г. 3000 экз.
“Ивняковая сторона”, рассказы, Москва, 1971 г. 10000 экз.
“Заплыв”, стихи, Сыктывкар, 1972 г. 2500 экз.
“Одинокий кедр”, рассказы, Москва, 1973 г. 100000 экз.
“Летят голубаны”, повести, Сыктывкар, 1973 г. 15000 экз.
“Земля моя — Коми”, рассказы, Москва, 1974 г. 30000 экз.
“Пове́терь”, стихи, Сыктывкар, 1976 г. 6000 экз.
“Заливень”, книга о родном крае, Сыктывкар, 1978 г. 15000 экз.
“Сторона озер лебединых”, рассказы, Москва, 1980 г. 50000 экз.
“Стреха”, стихи, Сыктывкар, 1980 г. 6000 экз.
“Федькины угожья”, повести, Москва, 1989 г. 100000 экз.
“Сказки белых ночей”, повести и рассказы, Сыктывкар, 1989 г. 4000 экз.

Володарский Н. А.

- “Светлый родник”, стихи, Сыктывкар, 1959 г. 2000 экз.
“Радуга над Печорой”, стихи, Сыктывкар, 1962 г. 3000 экз.
“Экзамен”, стихи, Сыктывкар, 1964 г. 3000 экз.
“Сквозь серебряную стужу”, стихи, Сыктывкар, 1967 г. 5000 экз.
“Стихи разных лет”, стихи, Сыктывкар, 1974 г. 4000 экз.
“В дороге”, стихи, Сыктывкар, 1978 г. 5500 экз.
“Верность мечте”, стихи, Сыктывкар, 1971 г. 5000 экз.
“Предзимье”, стихи, Сыктывкар, 1991 г. 5000 экз.
“Свет памяти”, стихи, Сыктывкар, 1987 г. 4000 экз.
“Шумит зеленый полдень”, стихи, Сыктывкар, 1983 г. 6000 экз.
“Отражение”, коллективный сборник, Сыктывкар, 1993 г. 300 экз.

Журавлев А. К.

- “Я, Андрюшка и Артем”, детские стихи, Сыктывкар, 1968 г. 65000 экз.
“Едет вышка по тайге”, детские стихи, Сыктывкар, 1973 г. 40000 экз.
“Шесть пуговиц”, детские стихи, Сыктывкар, 1978 г. 50000 экз.
“Где зимой снежинки ежатся от холода”, детские стихи, Сыктывкар, 1986 г. 15000 экз.
“Веселая страна вьюжана”, детские стихи, Сыктывкар, 1988 г. 10000 экз.
“Что такое Заполярье”, детские стихи, Сыктывкар, 1992 г. 10000 экз.
“Кулебяка”, детские стихи, Сыктывкар, 1994 г. 6500 экз.

Тарбаев Б. И.

- “Старый Кру видит далеко”, рассказы, Сыктывкар, 1967 г. 30000 экз.
“Добрый океан”, рассказы, Москва, 1974 г. 150000 экз.
“Старый Кру видит далеко”, рассказы, Москва, 1976 г. 75000 экз.
“Глаз сокола”, рассказы, Москва, 1990 г. 100000 экз.

Шахов Б. Ф.

- “Визув паныд” = “Против течения”, повести (на коми яз.), Сыктывкар, 1980 г. 2000 экз.
“Тшоотшьяяс” = “Сверстники”, повести (на коми яз.), Сыктывкар, 1985 г. 3000 экз.
“Сверстники”, повести, Москва, 1988 г. 50000 экз.
“Горд дзоридзьяса съод шаль” = “Черная шаль с красными цветами”, повести (на коми яз.), Сыктывкар, 1989 г. 4000 экз.
“Сибод менэ, чужан му” = “Привети меня земля родная”, повести (на коми яз.), Сыктывкар, 1991 г. 2000 экз.
“Черная шаль с красными цветами”, роман, Сыктывкар, 1995 г. 3000 экз.

Терновский И. Н.

- “Перекличка”, коллективный сборник, стихи, Сыктывкар, 1966 г. 4000 экз.
“Неудобная земля”, стихи, Сыктывкар, 1973 г. 3000 экз.
“Радуга свершений”, альманах, проза и стихи, Сыктывкар, 1974 г. 2500 экз.
Журнал “Нева” №9, стихи, Ленинград, 1976 г.
Журнал “Север” №11, стихи, Петрозаводск, 1980 г.
“Гамма””, коллективный сборник, стихи, Сыктывкар, 1982 г. 5000 экз.
“Северный автограф”, альманах, проза и стихи, Сыктывкар, 1986 г. 5000 экз.
“Отражение””, коллективный сборник, стихи, Сыктывкар, 1993 г. 300 экз.

ПЕРСОНАЛИИ

ТЕРНОВСКИЙ Игорь Николаевич

Родился в Москве в 1930 году. После окончания средней школы учился в Московском геологоразведочном институте, который закончил в 1953 году. С 1954 года по настоящее время живет в республике Коми. Принимал непосредственное участие в геологических работах на нефть и газ. Работал техноруком геологической партии, главным инженером геологопоисковой экспедиции. В 1962 году перешел в ухтинскую геофизику, где занимал должности зав. лабораторией, начальника отряда, отдела, партии. С 1994 года — на пенсии.

Литературным творчеством начал заниматься еще в школе. Однако существенный подъем наметился в 60-годы после вступления в ухтинское литобъединение, чему способствовала квалифицированная оценка произведений со стороны его членов. Был председателем литобъединения в 1967-68 годах и в 1995-96. Стихи Игоря Николаевича печатались неоднократно в городской и республиканских газетах, отдельные подборки опубликованы в газете “Социалистическая индустрия”, в журналах “Нева” и “Север”, в республиканских альманахах “Перекличка”, “Радуга свершений”, “Гамма”, “Северный автограф”, “Отражение”. В 1973 году в Сыктывкаре вышел персональный сборник стихов “Неудобная земля”.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей МИЛЬКОВ

ТОЛЬКО СЛОВО БЬЕТСЯ В ПЛАЧЕ

(о творчестве Игоря Терновского)

1 стр.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРЕДКОВ

(стихи разных лет)

6 стр.

ВРЕМЕНА ГОДА (цикл)

“В прекрасный мартовский денек”	6
“Как обреченно майский снег идет”	6
“Снег ударился оземь”	7
“Голубаны, голубаны”	7
Весна-89	8
“Я убежал из городов морочных”	8
“Ярославское шоссе”	8
Навсегда	9
Осень	9
“Уже под снег готовы озими”	9
“Весь разноцвет исчез”	9
“Декабрь лютует”	10

ПРЕКРАСНОЕ ЗАТМЕНИЕ (цикл)

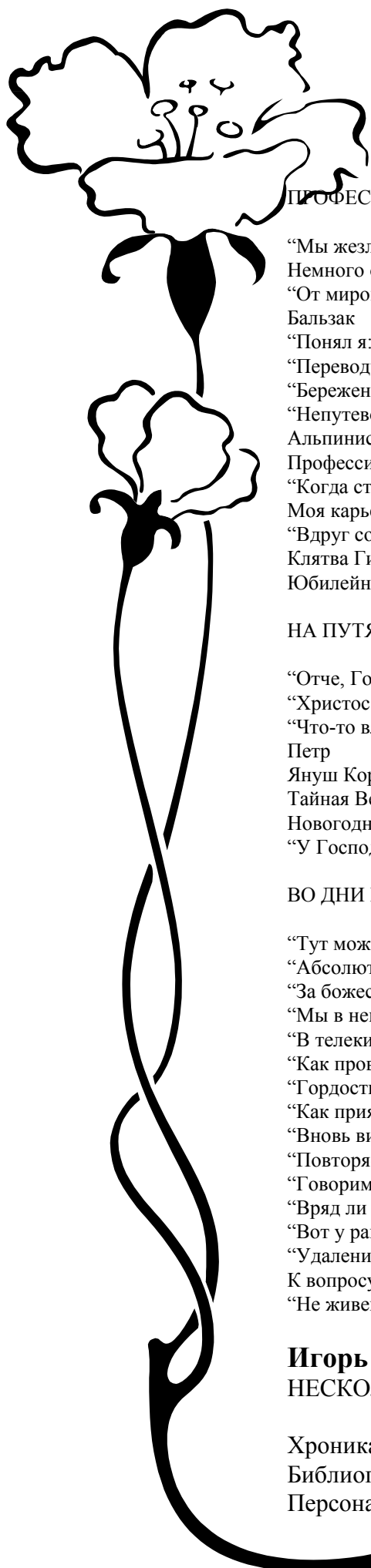
“Вы красивы, вы красивы”	10
“Деревьев медленный стриптиз”	10
“Я знаю, я почти уверен”	10
“В запахов дремучей чаше”	10
“Чего хочу от этой женщины”	10
“Прощайте. Завершилась битва”	11
“Увлеченный теченьем”	11

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРЕДКОВ (цикл)

“Летописи все-вранье”	11
“Они были братья лихие”	11
“Деда в святцы никто не вписал”	12
Смена ценностей	12
“Есть кладбище”	12

ИЗ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ (цикл)

“То было время”	12
Встречный марш	13
Однажды вечером	13
Им всегда будет двадцать	13
“Пехота, царица полей”	13
“Земной объявши шар”	14
Мирное	14

ПРОФЕССИЯ (цикл)

“Мы жезлов не носим”	14
Немного о цезарях	14
“От мировых светил в сторонке”	15
Бальзак	15
“Понял я: не в этом зло”	15
“Переводчик, где ты ходишь”	15
“Береженого Бог бережет”	16
“Непутевому с рождения беда”	16
Альпинист	16
Профессия	16
“Когда стихи заводят в переплет”	16
Моя карьера	17
“Вдруг сотворится”	17
Клятва Гиппократа	17
Юбилейное	17

НА ПУТЯХ ХРИСТОВЫХ (цикл)

“Отче, Господи, что ты”	18
“Христос добился цели”	18
“Что-то властвует над нами”	18
Петр	18
Януш Корчак	19
Тайная Вечеря	19
Новогоднее	19
“У Господа дети не удались”	19

ВО ДНИ МАРАЗМА (цикл)

“Тут можно не заглядывать в скрижали”	20
“Абсолютам внимали”	20
“За божественным ликом”	20
“Мы в немом кино парили”	20
“В телекинопанораме”	21
“Как провожают президентов”	21
“Гордость бесполезна”	21
“Как приятно, согласитесь”	21
“Вновь вижу, за жизнью следя”	22
“Повторяется по временам”	22
“Говорим мы уверенно”	22
“Вряд ли знает Россию он”	22
“Вот у райских ворот”	22
“Удаление ли гланд”	22
К вопросу о Родине	23
“Не живем мы”	23

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КРИЗИСЕ ПОЭЗИИ	23 стр.
---------------------------------	---------

Хроника литературной жизни	25 стр.
Библиография ухтинских авторов	26 стр.
Персоналии	28 стр.